

ПЯТЬ ЛЕТ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В ОЛЕНЕКСКОМ РАЙОНЕ ЯКУТСКОЙ АССР

Вопрос об этнической принадлежности кочевого населения бассейна рек Оленека и Анабары до последнего времени оставался открытым в этнографической литературе. Кроме беглых сообщений В. Н. Васильева о его поездке по Туруханскому краю в 1905 г., некоторых замечаний И. М. Сулова, участника основания Оленекской культбазы, и тенденциозно-националистических построений Кеенофонтова в работе «Уранхай — Сахалар», об обитателях северо-западной окраины Якутской АССР в литературе ничего нет. Характерно, что на этнографических картах население Оленека и Анабары по данным XVII в. причисляется к эвенкам, тогда как оно давно лишилось этого языка, принадлежит к коренным якутским родам и считает себя настоящими якутами. Незнученность этнического состава этих отдаленных районов сказывается на практике хозяйственного и культурного строительства. До недавнего времени в Оленекский район завозилось с колоссальными трудностями и затратами большое количество эвенкийских учебников и литературы, тогда как только на бумаге местное население числится эвенкийским, а в действительности владеет исключительно якутским языком.

В период 1941—1946 гг. я имел возможность вести систематическое собрание этнографического материала среди населения как Оленекского, так и Анабарского районов. В 1942—1943 гг. мной были обследованы Оленекский наслег, поселки Кех-Булуң, культбаза, центр колхоза им. Кирова. В 1944 г. летом на средства Научно-исследовательского института языка, литературы и истории ЯАССР мною была организована этнографическая экспедиция в Кирбейский наслег Оленекского района. Летом 1945 г. на средства того же института была организована этнографическая экспедиция в самый отдаленный наслег Оленекского района — Джелиндийский и в Саскылахский наслег Анабарского района. Работа проводилась с участием переводчиков, учителей местной школы (Павлова, Жиркова, Тобурокова) и проводников (местных охотников). В общей сложности преодолено более 2 200 км, из них 1 400 верхом на оленях, 450 на плотах и лодках, 350 пешком. В результате стационарных и экспедиционных работ собран значительный и разнообразный материал по всем разделам материальной и духовной культуры оленекского населения, проливающий свет на этногенез этой самобытной группы северных якутов-оленево́дов.

При первом знакомстве с населением пришлось убедиться, что официальное наименование для населения Оленека и Анабары, сохранившееся в административной практике до советизации северных районов, — «вилейские тунгусы» — было дано вилейскими якутами-скотоводами своим северным собратьям из-за их кочевого образа жизни и оленеводства. Зафиксированные родовые наименования оленекского и анабарского населения, как, например, Кангалас, Охогостох, Хатыгын и др., в большинстве роднят их с якутами южных районов. Судя по записанным генеалогическим преданиям, родоначальники этих родов переселились на реки Оленек и Анабара 5—7 поколений назад, что вполне подтверждается данными архивных материалов о проникновении в конце XVII — середине XVIII вв. на север беглецов-якутов из центральных районов Якутии. В общих чертах можно утверждать, что в результате смещения этого потока якутов-переселенцев с местными эвенкийскими элементами (что также отчетливо прослеживается по генеалогиям) и осевшими русскими промышленниками и казаками образовались современные северные якуты. Сложный состав этой группы якутов особенно ярко проявляется в области языка. Удалось зафиксировать в лексике северных якутов большую примесь эвенкийских и русских слов, совершенно незнакомых южным якутам, особенно в области терминологии охоты, оленеводства, наименований одежды и местности. Культурные особенности северных якутов особенно заметны в типах жилища, хозяйственных построек, покрое одежды и обуви, крайне приспособленных к кочевому быту.

Большое внимание уделялось изучению оленеводства — основы экономического благосостояния населения. Обращает на себя внимание техника выпаса больших стад оленей без сторожевых собак, особенности в упряжи, по сравнению с соседними ненцами, частое улотребление оленей под верх, переправа на оленях через реки, особые способы летнего содержания оленей в таежной зоне и т. д. По размаху кочевания, направлениям кочевков, численности и породам оленей на территории Оленекского и Анабарского районов до коллективизации существовало три основных типа хозяйств: 1) хозяйства с небольшим числом оленей, кочевавшие от края лесотундры до моря, с тундровой низкорослой породой оленей; 2) хозяйства, отличавшиеся наибольшим размахом кочевания — от тайги до тундры, но не выходящие на побережье, с таежными более рослыми и выносливыми оленями, и 3) хозяйства с немногочисленными оленьими стадами, кочевавшие в пределах тайги и лесотундры по долинам рек и малым тундрам. В пределах этих типов и зон встречались различия в терминологии, некоторые особенности в технике оленевод-

ства, объясняющиеся главным образом условиями местности. В хозяйствах второго и третьего типа оленеводство в значительной мере дополнялось мясной охотой на крупных копытных зверей — лосей и диких оленей, игравшей значительно более важную роль по сравнению с пушным промыслом и рыболовством, распространенным главным образом в низовьях рек. До настоящего времени сохранились разнообразные приемы охоты на диких оленей при помощи домашних оленей-манщиков (самцов и самок), заслонов, ловушек, восходящих, в основном, к эпохе лучной охоты. Следует отметить, что лучная техника не совсем забыта, и в низовьях Анабары лук и стрелы применяются при охоте на водоплавающую дичь. Не забыты также особые приемы массовой охоты на линных гусей и уток. Крайне любопытны своеобразные ловушки из сетей для ловли рыбы в период полярного дня. Следует отметить, что народный опыт в области оленеводства, охоты и рыболовства не потерял своего значения до настоящего времени и успешно используется лучшими охотниками и оленеводами. В этой связи уместно упомянуть, что бытовое кочевание в условиях оленеводческо-охотничьих районов, как показал современный опыт, неотделимо от хозяйственного, так как последнее является круглогодичным.

Особенно подробно удалось восстановить свадебные обряды, в значительной степени отличные от общек якутских. Пережиточные патриархальные черты сохранились у северных якутов в отношении к женщине, как к существу, приносящему неудачу в промысле. Небезинтересны многочисленные обереги для детей от чорта, запреты произносить имя ребенка, обычно заменяемое особыми прозвищами, именование мальчиков девочками и наоборот. В области религиозных представлений выявлены многочисленные охотничьи поверия и обряды, существовавшие независимо от шаманских верований и связанные, в основном, с культом воскресающего зверя (трубчатые и черепные кости диких оленей и лосей до настоящего времени сохраняются на специальных помостах). Записаны тотемические поверия: каждый род считал себя связанным с определенной птицей, охраняемой членами рода и не употребляемой в пищу. Например, род Охогостох имел тотемом журавля, род Хатыгын — ворона, род Кангалас — орла, род Чорду — лебедя, род Маймаха — анста и т. д. Согласно одному из преданий, основатели Кангаласского рода переселились на реку Анабара, поссорившись со своими сородичами при церемонии раздела священных перьев орла, почитавшегося этим родом. Космологические мифы, тотемические предания в сочетании с анимистическими представлениями достаточно ярко обрисовывают мировоззрение таежно-тундровых охотников и оленеводов.

Большой интерес представляют материалы по шаманству. Записаны шаманские песнопения-заклинания против кори, оспы, капытки, против нападения волков, по облегчению родов, любовные привораживания, проклятья, освящение бубна и т. д. Получены объяснения деталей шаманского костюма, бубна и прочих шаманских атрибутов. Собраны рассказы о посвящении в шаманы, о шаманском даре, о местных нервных заболеваниях эмерячене и мэпэрике, а также легенды о подвигах великих шаманов.

Значительный материал удалось собрать по фольклору. Записаны варианты хосунского эпоса, легенды о людоедах, образцы детского фольклора, бытовые рассказы, сказки, заимствованные у русских, и т. д. Особенно любопытны любовные песни-импровизации, связанные с весьма свежими воспоминаниями об обычаях гостеприимного гетеризма и большой свободой девушки до замужества.

Обследованы шесть наземных погребений на столбах, развалины старых построек, места шаманских молений, священные горы.

Собранные коллекции экспонатов (упряжь, одежда, образцы украшений, охотничья утварь, культовые предметы — более 200 названий) пересланы в Якутский краеведческий музей. Наиболее редкие экспонаты доставлены в Москву. Среди них изображение духа-покровителя охоты, Баянай-Эхэкээн'а, из рога и дерева, с подвязанными нижними зубами диких оленей, шаманская веревка для поднятия шамана, низверженного духами верхнего мира, гадальные кости, лопатки, набор лечебных амулетов из костей священных оленей и т. д.

По данным полевых материалов подготовлены статьи «Свадебные обычаи и обряды населения Оленевского района», «Космологические представления», «Охотничьи обычаи», «Положение женщины и воспитание детей», предназначенные для этнографического сборника, подготовляемого к печати НИИЯЛИ ЯАССР.

И. Гурвич

ВОПРОСЫ ЭТНОГРАФИИ И АРХЕОЛОГИИ В АБХАЗСКОМ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ИНСТИТУТЕ им. акад. Н. Я. МАРРА АКАДЕМИИ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР

Местные этнографы Абхазии насчитывались в дореволюционное время лишь единицами. Первым из таких одиночек был абхаз С. Званба, напечатавший в поло-